

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

© РЕШЕТНИКОВ А.В., 2018
УДК 614.2:616-058:061.62

А.В. Решетников

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ МЕДИЦИНЫ (ЧАСТЬ 1)

Институт социологии, психологии и гуманитарных наук ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), 119991, г. Москва

Понятие социального института соотносится со временем становления социологии как науки и связывается с классическими работами О. Конта, Э. Дюркгейма и Г. Спенсера. Институциональный подход к изучению общества в классическом понимании включает пять основных социальных институтов, которые обеспечивают стабильность социальной системы – семья, государство (политика), экономика (производство), образование, религия. На современном этапе, на взгляд автора, медицину также необходимо рассматривать как самостоятельный социальный институт и продолжать его изучение в свете открывающихся возможностей с позиций социологии. В представленной статье детально рассмотрен процесс преобразования медицины в базовый социальный институт на рубеже XX-XXI века. При этом отмечено, что эволюционный процесс институализации медицины требует нового, углубленного осмысления с учетом современных социально-трансформационных процессов в системе охраны здоровья. Одновременно требует осмысления сама меняющаяся ситуация в системе здравоохранения, трансформация взглядов пациента на процесс оказания медицинской помощи и ожиданий от системы здравоохранения, изменения представлений о взаимоотношениях пациента с врачом, перестройка моделей взаимодействия отдельно взятого человека с государством, обществом, социальными институтами и группами.

Ключевые слова: *социальный институт медицины; институциональная теория; система здравоохранения; профессиональное пространство медицины.*

Для цитирования: Решетников А.В. Социальный институт медицины.(часть 1). *Социология медицины*. 2018; 17(1): 4-11. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/1728-2810-2018-17-1-4-11>

Для корреспонденции: Решетников Андрей Вениаминович, академик РАН, д-р мед. наук, д-р социол. наук, профессор, директор Института социологии, психологии и гуманитарных наук, e-mail: niisocmed@mail.ru

Reshetneykov A.V.

THE SOCIAL INSTITUTION OF MEDICINE. PART I

The Institute of Sociology, Psychology and Humanities of The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "The I.M. Sechenov First Moscow State Medical University" of Minzdrav of Russia, 119991, Moscow, Russia

The concept of social institution correlates to period of becoming of sociology as a science and is related to classical works of O. Comte, E. Durkheim and G. Spencer. The institutional approach to studying society in classical interpretation includes five main social institutions ensuring stability of social system: family, state (politics), economics (manufacturing), education, religion. Nowadays, medicine is to be considered as an independent social institution and to proceed its investigation in the light of opening opportunities from positioning of sociology. The article minutely considers process of transformation of medicine into basic institution at the turn of XX-XXI centuries. At that it is emphasized that evolution process of institutionalization of medicine requires a new in-depth comprehension with regard to modern social transformational processes in the system of health protection. Simultaneously, an understanding is required concerning such fundamental aspects as changing situation in health care system, transformation of views of patient on process of medical care support and one's expectations from health care system, alterations of concepts of patient-physician relationships and re-arrangement of models of interaction of individual person with state, society, social institutions and groups.

Key words: *medicine; social institution; institutional theory; health care system; professional space of medicine.*

For citation: Reshetneykov A.V. The social institution of medicine. Part I. *Sotsiologiya meditsiny*. 2018; 17(1): 4-11. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/1728-2810-2018-17-1-4-11>

For correspondence: Reshetneykov A.V., the RAS academician, doctor of medical sciences, professor, the director of the Institute of Sociology, Psychology and Humanitarian Sciences of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "The I.M. Sechenov First Moscow State Medical University". e-mail: niisocmed@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare absence of conflict of interest.

Acknowledgment. The study had no sponsor support.

В условиях социоструктурных изменений, происходящих в России в настоящий момент, ключевым фактором эффективного функционирования общества выступает устойчивость системы социальных взаимосвязей и взаимодействий в рамках основных сфер деятельности человека или, говоря языком экономистов, устойчивость институциональной среды [1, р. 6]. При этом преобразования социального пространства наиболее ярко проявляются на уровне социальных институтов и конкретной личности, обуславливая динамичное изменение норм, ценностей, правил, социальных ролей и систем взаимодействия.

Стабильность функционирования основных социальных институтов в изменяющихся условиях зависит от возможностей их адаптации к динамике преобразований и обеспечения удовлетворения релевантных потребностей общества. Для понимания перспектив развития общества и его отдельных структур на конкретном этапе его становления и в рамках определенного социального пространства необходимым представляется обращение к институциональной теории.

Анализ социологических работ в русле институциональной теории позволил выделить три основных этапа в процессе ее эволюционного развития и становления:

I этап – «классический» институционализм (середина XIX – начало XX века) изначально формируется на базе философии позитивистского подхода к анализу социальных процессов О. Конта и интегрирует отдельные элементы юриспруденции. О. Конт, отталкиваясь от признания приоритетными для функционирования социума системы взаимосвязей между основными социальными структурами/институтами (семьей, государством, религией), различает природу отношений на уровне семьи и государства [2], что в дальнейшем получило развитие в трудах Ф. Тенниса и Э. Дюркгейма.

Г. Спенсер в продолжение основных положений О. Конта об институциональном развитии общества делает акцент на взаимодействии регулятивной, распределительной и производственной сферы общественной системы как социального организма [3], которое реализуется в рамках особых форм социальной организации: родства (семья, брак), экономических структур (распределение) и управляющих институтов (государство, политика, религия). Тем не менее, несмотря на содержательную идентичность теоретических наработок понятию «социальный институт», это определение в работах Г. Спенсера не используется [3-5].

Впервые термин «социальный институт» применяет для описания эволюционных процессов в обществе (смены общественно-экономических формаций) К. Маркс [6, с. 263]. Ключевая роль труда как совокупности производительных сил и производственных отношений в теории К. Маркса определяет базис и надстройку (социальные институты), которые обуславливают формы общественного сознания: «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [7, с. 7]. Определяющим для развития институциональной теории явились представления К. Маркса о классовых конфликтах (антагонизме классов [7, с. 6-7]) и их роли для развития (изменения) общественных отношений [8, с. 427]. В дальнейшем идея социального конфликта и роли личности для

развития общества К. Маркса получила развитие (через критическое осмысление) в русле неомарксизма франкфуртской научной школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, Р. Дарендорф и др.).

Парадигма К. Маркса о роли социальных отношений для развития общества оказала влияние на представления о функциональных основах социальных систем Ф. Тенниса [9], Э. Дюркгейма [10-12], Т. Веблена [13,14]. В работах Ф. Тенниса противопоставляются два понятия: общность (*gemeinschaftliche*) или общинные связи, которые он идентифицировал с традиционными социальными и родственными привязанностями, и общество как общественные отношения (*gesellschaftliche*), основанные на рациональной потребности в обмене благами, но и общность и общество являются составляющими общей социальной системы [9].

Близкими к научной позиции Ф. Тенниса были представления об обществе Э. Дюркгейма, который также выделял два вида взаимосвязей в обществе: на основе механической (вынужденной) и органической солидарности (потребности в обмене ресурсами). При этом развитие общества происходит на основе коллективных представлений о сущности социальной деятельности и признания приоритета социальных потребностей над индивидуальными, а социальные институты, как важнейшее средство самореализации индивида, обеспечивают функциональность социальной системы в целом [11]. Наряду с этим одним из факторов стабильности социального института выступает формирование системы стандартных, повторяющихся моделей взаимодействия в рамках самого института и на уровне поддержания связей между институтами – своего рода, по выражению Э. Дюркгейма, «коллективная привычка» [12] – и эта система укрепившихся стандартов взаимосвязана и взаимообусловлена системой релевантных ролевых отношений.

Значительный вклад в развитие институциональной теории внесли труды Т. Веблена, отдающего приоритет в становлении системы социальных институтов социально-психологическим основам человеческой деятельности и социальных взаимосвязей, которые и определяют эволюционные стратегии развития социальной структуры общества. По его определению, «социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствующие типы отношений и духовную позицию, они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений, а следовательно, выступают действенным фактором отбора» [14, с. 200]. Заметим, что положения Т. Веблена о роли социальных институтов в рекурсивности социальных статусов и ролей «праздного класса» во многом корреспондируют с современной ситуацией.

В представлениях американского социолога Л. Уорда, социальный институт является продуктом социально-психических усилий социума, направляемых определенными мотивами [15, с. 123]. Согласно его концепции, человек выступает субъектом прогресса и ведущим средством его эволюционной активности является просвещение: чем выше уровень образования индиви-

дов, тем более совершенной будет система социальных институтов. При этом он подчеркивал, что жизнедеятельность человека, социальной группы, социального института обуславливается противоборством двух начал: природных законов (генезиса) и социальных свобод, норм, правил (телезиса). Таким образом, можно заметить, что дуалистическое понимание механизмов развития общества Л. Уорда имеет содержательные пересечения с представлениями Ф. Тенниса и Э. Дюркгейма.

Значимость личности для эволюции институциональных структур также раскрывается в работах М. Вебера, который подчеркивал, что именно целерациональные соображения отдельных индивидов в отношении того или иного социального института определяют специфику их поведения и развития. Хотя исследователи наследия М. Вебера выделяют в его работах дивергентные и конвергентные идеи определения границ социальных моделей (культур и порядков) развития общества [16], на наш взгляд, ведущей идеей выступает роль социальных институтов (рациональных установок, норм, правил, санкционного аппарата) для отдельных индивидов [17, с. 214] в веберовском понимании рациональной личности и жизненных смыслов [18, с. 132] и общества в целом.

На взгляд русско-американского социолога П.А. Сорокина, социальные институты выступают двухуровневыми механизмами селективного отбора: более широкие институты (семья, школа, церковь) выступают системой предварительной проверки общих социальных функций и определения отнесения к возможной социальной страте на основе имеющихся у индивида качеств [19, с. 419], а специализированные социальные институты (политика, профессиональное образование) позволяют определить специальные способности человека, позволяющие ему включиться в конкретное профессиональное сообщество [19]. Так, П.А. Сорокин отмечал, что «само существование профессионального разделения труда является мощным селекционирующим средством» [19, с. 420].

Таким образом, в рамках «классического» институционализма социальные институты рассматриваются через призму функционального подхода и их развитие, преимущественно, связывается с дуалистической системой социальных взаимодействий в обществе, определяемой рациональными потребностями человека.

II этап – «неоклассическая» институциональная теория (30-е – 70-е годы XX века) формируется как ответ экономическим преобразованиям и связывается прежде всего с трудами американских социологов. Общие социально-экономические настроения в указанный период связаны с процессом выхода Америки из затяжной «Великой депрессии», трагедией Второй мировой войны, нарастанием потребительских тенденций в обществе и началом глобализации [20].

Период начала 30-х годов XX века, характеризующийся, с одной стороны, экономическим кризисом (и перемещением больших миграционных потоков) в Европе и США, с другой стороны – ростом национально-милитаристических движений, связывается с появлением ряда научных теорий в русле социологии, психологии, философии, направленных на поиск объяснения

противостояния человека и государства (социального контроля общества). Одновременно возникает революционная кейнсианская экономическая теория, основным положением которой выступает необходимость вмешательства государства в экономические процессы, и на этой экономической базе формируется новая институциональная теория.

В русле «большой» социологии в этот период идет активное наращивание методологической базы (в первую очередь связанное с деятельностью представителей Чикагской и Франкфуртской научных школ) и числа эмпирических исследований, посвященных изучению особенностей социального поведения, вопросам взаимодействия и взаимоотношений. В этот период институциональная теория ориентирована преимущественно на изучение больших социальных групп, социальных коллективов, социального порядка в обществе и очевидно тяготеет к объяснению институциональных процессов через призму экономики.

Одной из ключевых теорий, объясняющей процессы стабилизации (установления социального порядка) в обществе, является теория социальных систем и статусно-ролевая концепция Т. Парсонса. Согласно его представлениям, социальные институты выступают комплексом, обеспечивающим стабильность общества как социальной системы посредством норм и ценностей, регламентирующих и определяющих статусно-ролевую структуру социума [21]. При этом важнейшей заслугой Т. Парсонса для развития институциональной теории стало синтетическое осмысление работ М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, Р. Парка, В. Парето.

Общество, согласно теории Т. Парсонса, есть структурированная функциональная социальная система, все элементы которой скоординированы и направлены на обеспечение гомеостатического равновесия системы в целом [22]. Ядром социальной системы выступает «структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь населения» [22, с. 102], которая базируется на интеракциях в рамках функциональных подсистем (экономической или адаптивной), политической, подсистемы воспроизводства типичного социального поведения, социального сообщества), ролях, общих ценностях и нормах [22, с. 100]. А наиболее важным для эволюционного развития общества Т. Парсонс считает усиление адаптивных возможностей и социальную дифференциацию в обществе [22, с. 114].

Теория Т. Парсонса вызвала мощный импульс критики со стороны других социологов, аналитические работы которых в итоге дополнили теорию структурного функционализма, что также можно оценить как вклад Т. Парсонса в развитие социологической науки.

Одним из критиков теории Т. Парсонса является Ч.Р. Миллс (принципиально придерживающийся оппозиционных взглядов в отношении работ современных социологов), который считал, что в консервативной теории Т. Парсонса недостаточно конкретно («туманно») описаны институциональные структуры власти, выполняющие распределительные и регулятивные функции, не объясняется специфика социальных конфликтов, отсутствует историческая сравнительная ретроспектива определенного институционального порядка (структу-

ры общества). Он указывал, что «высокая теория» очень сильно тяготеет к оправданию стабильных форм господства» [23, с. 63], а современное общество можно охарактеризовать как стратифицированное общество (массы и властвующая элита)¹, основанное на формальной рационализации и обусловленной ею ограничением свободы и невротизации населения [24]. При этом базовым для социолога умением Ч.Р. Миллсу представлялось наличие «социологического воображения» [23], которое позволяет осознать и изучить специфику социальных процессов и сопутствующих конфликтов.

Отметим, что неизбежность конфликта для развития общества ввиду неравенства (К. Маркс), биологической или инстинктивной враждебности (Г. Зиммель), потребности в социальном взаимодействии (Р. Парк), господства и навязанного принуждения (Р. Дарендорф), давления властных режимов (М. Хоркхаймер, Т. Адорно) представлена в большинстве классических социологических теорий. Анализируя характер современного общества, М. Хоркхаймер подчеркивал, что противостояние человека давлению властных структур (посредством критического осмысления) обусловлено в том числе потребностью преодолеть «антиличностный» принцип господства. Кроме того, он обратил внимание на нарастание культурного натиска «массовой культуры» и потребительских тенденций [25]. И в этом, безусловно, можно заметить определенную связь между трудами представителей франкфуртской школы и психоанализом З. Фрейда [26].

В дальнейшем Л. Козер (ученик Р. Мертон, который критически рассматривал основные положения структурно-функциональной теории Т. Парсонса) разрабатывает свою концепцию конфликтного функционализма, исходя из понимания конфликта как функционального механизма развития (обновления) и адаптации структур социальной системы [27], и тем самым дополняет теорию Т. Парсонса. Так, Л. Козер отмечает: «основания для конфликтов существуют при любом типе социальной структуры, поскольку индивиды и подгруппы повсюду склонны время от времени претендовать на недостающие им ресурсы, престиж или властные позиции» [27, с. 180], т. е. в его понимании конфликт есть механизм удовлетворения потребностей индивидов.

Р. Дарендорф, переосмысливая теорию Т. Парсонса, противопоставлял его положению о стремлении социальных систем к устойчивости и интеграции в условиях социального контроля социальной жизни свою концепцию конфликтного структурализма, согласно которой социальные системы дихотомичны (стабильность *versus* стремление к перераспределению власти) и стремятся к изменению из-за наличия изначальных противоречий и внутренних конфликтов. Общество же не просто контролирует, а принуждает индивидов к соблюдению установленных норм (тезис о принудительности социальных структур) и реализации социальных ролей господства и подчинения [28]. В связи с этим необходимо отметить актуальность представлений Р. Дарендорфа о обусловленности плюралистичного харак-

тера конфликтов дифференциацией интересов индивидов [29,30].

Ключевой для развития институционализма в этот период стала концепция социального обмена, разрабатываемая Дж. Хомансом и П. Блау. В основе функционирования социальных институтов, по Дж. Хомансу, лежат результаты системы исторически сформированного устойчивого обмена, инициированного психологическими мотивами (в рамках поведенческого аспекта взаимодействия). Тем не менее, несмотря на приверженность бихевиористическому пониманию драйверов развития социальных институтов в обществе и определение их как «устойчивые модели поведения» [31, с. 6], Дж. Хоманс понимает взаимодействие как отношения обмена, обусловленного системой баланса – справедливости «социальной прибыли» (ценности), т. е. прежде всего в экономической интерпретации [32, с. 121]. При этом социальные институты он представляет как прикладные механизмы обеспечения отношений межличностного обмена на основе субъективной мотивации, а следовательно, можно согласиться с оценкой разработок Дж. Хоманса как попытки «реабилитировать модель экономического человека» [30, С. 31].

В отличие от Дж. Хоманса П. Блау рассматривает социальные институты как систему обмена между социальными группами и выделяет в качестве вознаграждения (в рамках процедуры формализованного обмена) деньги, социальное одобрение, уважение и уступки, которые, однако, в ситуации дисбаланса обмена приводят к конфликтам [33]. П. Блау выделяет интегративные (основанные на солидарности), дистрибутивные (распределительные) и организационные (предполагающие общие усилия для достижения общих целей) институты. При этом в основе его классификации социальных институтов лежат «эмерджентные свойства» социальной структуры (ролевые отношения, ценности, нормы и др.), релевантные конкретной институциональной структуре, что определяет характер вознаграждения в отношениях обмена и возможные источники конфликта.

Важной для развития институциональной теории явилась разработка нового направления – социологии повседневности П. Бергера и Т. Лукмана, в которой ощущается влияние идей М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Дж. Мида, А. Шюца. В своей концепции П. Бергер и Т. Лукман рассматривали повседневность как социальный порядок, поддерживаемый непрерывным процессом социального конструирования реальности на основе знаний. При этом стремление индивидов к формированию идентичности (поиск своего места в обществе, воспроизведение социальных ролей) происходит в процессе перманентной социализации, т. е. освоения социального пространства объективной реальности. Социальные институты, согласно представлениям П. Бергера и Т. Лукмана, базируются на привычных (типичных) действиях и общем легитимизуемом опыте членов общества [34], а их развитие (*конструирование новой реальности*) во многом определяется спецификой языка (*семантической системой общества*).

Таким образом, в этот период развитие институциональной теории, преимущественно, связывается с анализом влияния новых экономических условий и

¹ И в этом очевидно проявляется влияние идей В. Парето на начальные представления Т. Парсонса.

процессов на специфику функционирования социальных институтов. Труды институционалистов, выступая реперной точкой для кейнсианской теории, предвосхитили основные постулаты экономистов-кейнсианстов о необходимости государственного регулирования социальных и экономических процессов конструированием представления о необходимости социального контроля (контроля посредством социальных институтов) за экономическими процессами для обеспечения стабильности общественной системы. В этот период, несмотря на то, что основным вектором научного поиска в русле институциональной теории выступил анализ взаимосвязей на уровне больших социальных групп и институтов (и их влияние на человека), закладываются основы нового осмысления роли личности, свободы воли и индивидуальности для социума.

III этап – «новейший» институциональный подход (70-е годы XX века – настоящее время). На данном этапе социальные институты выступают одновременно фактором стабилизации социальной системы и решающим фактором групповой (в том числе профессиональной) интеграции. Это ключевой момент, характеризующий эволюционное значение третьего этапа развития институциональной теории. Необходимо подчеркнуть, что именно в настоящее время, на этапе формирования «новейшего» институционального подхода, повышается значение исторического и социального времени и пространств для эволюционного развития общественных структур.

Развитие научной социологической мысли на современном этапе основывается на фундаментальных классических теориях, но новые социальные условия (и обусловленные ими новые социальные проблемы) способствуют формированию новых подходов к осмыслению институциональных феноменов. Среди зарубежных работ в этой области необходимо отметить вклад в развитие институциональной теории Д. Норта, чья теория объясняет причины и последствия эволюционных институциональных изменений с позиции функциональной необходимости «минимизации транзакционных издержек» [35].

Д. Норт считает социальные институты производными взаимоотношений индивидов, которые через систему ценностных представлений обуславливают мотивацию и специфику поведения человека – «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия» [36, с. 17]. Так, он отмечает, что «главная роль, которую институты играют в обществе, заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми» [36, с. 21]. При этом, по его мнению, специфика социальных институтов детерминирована историей, процессами и траекторией его эволюционного становления [36].

Согласно представлениям Д. Норта, основными факторами институциональных изменений (эволюционного развития) являются сдвиги в структуре относительных цен, обусловленные техническим прогрессом (что влечет изменение правил и норм поведения), и идеология (в его понимании – субъективные модели восприятия и оценивания человеком окружающего мира), определяющая структуру предпочтений индивида.

Разделяя позицию Д. Норта в отношении влияния социальных институтов на мотивационную составляющую социальных интеракций, Дж. Бернард и Л. Томпсон понимают институт как сложный механизм норм (формальных и неформальных) и моделей поведения, а социум рассматривают как особое упорядоченное расположение социальных институтов, обеспечивающих взаимодействие отдельных индивидов [37].

Заметим, что отечественные социологи обратились к активному осмыслению содержательного наполнения понятия «социальный институт» в начале 90-х годов XX века, в постперестроечный период. Именно на рубеже эпох (советской и современной российской) вектор научного поиска был задан движением от марксизма к социально-структурному функционализму. Во многом этому способствовало увеличение числа переводных публикаций зарубежных исследователей, обширные социально-структурные трансформации и необходимость их социологического осмысления, открывшиеся новые возможности инициативных исследований.

Важными для российской социологии стали работы этого периода, посвященные проблематике социальной структуры общества В.Ф. Анурина, Л.Н. Когана, М.С. Комаровой, Я. Щепаньского, С.С. Фролова, О.И. Шкаратана, М.Н. Руткевича, Г.В. Осипова, Н.И. Лапина, В.И. Старовойтова, Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной, Ф.Р. Филиппова, В.В. Радаева, З.Т. Голенковой, А.Е. Шаститко и др., однако пристальное внимание к вопросам институциональной теории стало уделяться в отечественной социологии позднее, в конце 1990-х годов.

Тем не менее понятие «социальный институт» выступает центральной дефиницией в аналитических публикациях этого периода, посвященных изучению структурных компонентов общества, изменившихся социальных отношений, обострения неравенства, трансформации социальных норм и статусно-ролевых моделей взаимодействия в российском обществе. Так, Г.В. Осипов определяет социальный институт как «ведущий компонент социальной структуры общества, интегрирующий и координирующий множество индивидуальных действий людей, упорядочивающий социальные отношения в сферах общественной жизни» [38].

В.В. Радаев указывает, что социальная структура общества есть «качественная определенность общества, поэтому изменение первой выражает коренной, качественный сдвиг во втором» и «структура социального объекта обеспечивает необходимую устойчивость в функционировании взаимосвязанных социальных элементов (т. е. групп и институтов), позволяющих накапливать количественные изменения вплоть до момента, когда наступает историческая необходимость структурных сдвигов в обществе» [39]. При этом в более поздних его публикациях социальные институты выступают «конфигурациями систем действия, которые конструируются акторами, способными к мобилизации ресурсов и преодолению исторически сложившихся ограничений» [40].

В определении М.С. Комаровым социальных институтов как «ценностно-нормативных комплексов,

направляющих и контролирующих действия людей в жизненно важных сферах (экономике, политике, культуре и др.)» [41, с. 195] прослеживается схожее понимание функций. При этом он отмечает наличие в структуре институтов «целостной системы стандартизированных образцов поведения, т. е. ценностно-нормативной структуры» [41].

И.А. Шмерлина отмечает, что социальные институты являются «главной загадкой и проблемой социологии», а сами институты рассматривает как «специфические социальные структуры, которые регулируют отношения людей, не связанных ситуацией непосредственного взаимодействия». При этом указанные структуры возникают как форма властной формализации конкурентной борьбы за ресурсы [42]. Природа же социального института как «семантической системы, за которой стоит система отношений реального мира» [43, с. 83], по ее мнению, ближе к идеальной конструкции «реальности «особого рода». И.А.Шмерлина выделяет четыре типа такой реальности: нормы права, установки обыденного сознания, повседневные статусно-ролевые практики и организации [42].

Анализируя современные представления о природе социальных институтов, И.А. Шмерлина указывает на существование нескольких «концептуальных линий, вокруг которых формируется релевантное поле данной тематики». Это рассмотрение социальных институтов как продукта культурно-исторического развития, их психологическая укорененность и связь с повседневной (внесознательной) рефлексией, представленность в нормативно-правовых нормах и организационных структурах, а также изучение идеализирующей природы институциональных фактов и специфики поведенческих аспектов институциональной реальности [43].

В настоящее время научная полемика о природе социальных институтов и факторах, детерминирующих их эволюционное развитие (деградацию) в среде социологов получила дополнительный импульс силы, связанной с рекурсивными волнами социально-экономических кризисов, тенденциями глобализации и цифровизацией социального пространства. И на этом фоне вновь актуализируется аналитическое осмысление природы социальных институтов в русле дюркгеймовской идеи аномии и парадигм социального конфликта. К примеру, на взгляд М.Ф. Черныша, наиболее эффективным подходом для осмысления новых социальных проблем и противоречий современности является марксизм, поскольку он «продуктивно развивался в течение всего прошлого столетия, трансформируясь вровень с изменениями в обществах» [44].

Необходимо признать, что все чаще в современной социологии социальные институты рассматриваются как механизмы обеспечения социального контроля, снижения социальной напряженности [45-48], что очевидно пересекается с представлениями Э. Дюркгейма о роли социальных институтов в условиях аномии.

Тем не менее, отечественная социологическая мысль все больше внимания уделяет повседневным практикам как механизмам институциональной регуляции [42], а развитие общества как социальной системы все чаще «сводится к эволюции социальных институтов» [49]. Не

случайно в современной ситуации ряд исследователей центрируют свое внимание на результатах влияния социальных институтов (в том числе латентных) на общество, в частности специфике процессов стандартизации социального поведения под влиянием институциональных структур, которая существенно отличается от аналогичных процессов на более ранних этапах [50].

Таким образом в рамках институциональной теории социальные институты рассматриваются как:

- ♦ исторически сложившиеся устойчивые, самовозобновляющиеся виды социальных взаимодействий;
- ♦ механизмы обеспечения (гарантии) удовлетворения жизненно важных потребностей человека;
- ♦ устойчивые структуры ролевых и социально-статусных моделей;
- ♦ фактор устойчивости жизнедеятельности личности;
- ♦ приспособительное устройство общества, регулируемое социальными нормами, традициями, обычаями, законами;
- ♦ система регулирования общественных отношений;
- ♦ инструмент социального контроля;
- ♦ совокупность людей и социальных (формальных и неформальных) организаций;
- ♦ система взаимодействий, релевантная существующим интересам социума;
- ♦ совокупность обычаев, традиций и правил поведения;
- ♦ механизм трансформации конфликтных феноменов в социально приемлемые интеракции;
- ♦ ценностно-нормативный комплекс;
- ♦ обособленный (автономный) комплекс социальных действий, направленных на выполнение специальных задач, проблем, удовлетворения определенных потребностей людей.

Исходя из вышесказанного, сконструируем интегрированное понимание социального института на современном этапе: это ведущий компонент социальной структуры, обеспечивающий удовлетворение релевантных потребностей и устойчивость специфичных взаимоотношений и ролей посредством выработки и адаптации ценностно-нормативных представлений к изменяющимся условиям социального пространства и среды.

Подводя итог обсуждению, необходимо отметить, что настоящее и будущее связаны исторической непрерывностью, развивающейся целостностью социальных институтов. Социальные изменения определяют изменения в обществе во времени и являются индикаторами в понимании исторических перемен. Так, на первых этапах развития институционального подхода к изучению общества формируется представление о пяти базовых социальных институтах, которые обеспечивают стабильность социальной системы: семья, государство (политике), экономике (производстве), образовании, религии. Несмотря на закономерный научный интерес, до современного этапа в качестве базового социального института медицина не рассматривалась. Также очевидно, что научные наработки в этом направлении соответствуют объективной потребности развития институциональной теории.

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Davis L., North D. *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: 1971.
2. Конт О. *Курс положительной философии*. Т. 2. Отдел 2. М.: Книга по Требованию; 2012.
3. Спенсер Г. *Основные начала*. СПб.: 1897.
4. Спенсер Г. *Синтетическая философия*: В сокращенном изложении Говарда Коллинза. Киев: Ника-Центр; 1997.
5. Спенсер Г. *Социальная статика*. Киев: Гама-Принт; 2013.
6. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.* Т. 1. М.: Политиздат; 1957.
7. Маркс К. К критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.* Т. 13. М.: Политиздат; 1959.
8. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.* Т. 28. М.: Политиздат; 1959.
9. Теннис Ф. Общность и общество. *Социологические исследования*. 2008; (3-4): 333-57.
10. Durkheim E. *Les formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie*. Paris: Presses universitaires de France; 1960.
11. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. М.: Канон, 1996.
12. Дюркгейм Э. Метод социологии В кн.: *Западно-европейская социология XIX – начала XX веков*. В.И. Добренков (ред.). М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления; 1996.
13. Veblen T. *The Theory of Leisure Class, An Economic Study of Institutions*; 1899.
14. Веблен Т. *Теория праздного класса*. М.: Прогресс; 1984.
15. Ward L.F. *The physic factors of civilization*. Boston, U.S.A. Ginn & Company Publishers; 1893.
16. Швинн Т. От сравнительной социологии религии к сравнительной политической социологии. Макс Вебер и множественность модернов. *Социологические исследования*. 2018; (1): 121-31.
17. Weber M. *Essays on sociology*. N. Y.: 1964.
18. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, 5. Aufl., Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1982.
19. Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат; 1992.
20. Мошенокский С.З. *От глобальных дисбалансов к «Великой депрессии»*. London: Xlibris; 2014.
21. Parsons T. *Essays on sociological theory*. N. Y.: 1964.
22. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *THESIS*; 1993; (2): 94-122.
23. Миллс Ч.Р. *Социологическое воображение*. М.: Издательский Дом NOTA BENE; 2001.
24. Миллс Ч.Р. *Властвующая элита*. М.: Иностранная литература; 1959.
25. Хоркхаймер М., Адорно Т. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. М.–СПб.: Медиум; Ювента; 1997.
26. Михайлов И.А. *Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований*. Ч. 1: 1914-1939 гг. М.: ИФ РАН; 2008.
27. Козер Л. *Функции социального конфликта*. М.: Идея-Пресс; 2000.
28. Дарендорф Р. *Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии*. М.: «Праксис»; 2002.
29. Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press; 1959.
30. Симонова О.А. *История социологии XX века: Избранные темы*. М.: Логос; 2008.
31. Homans G.S. *The sociological relevance of behaviorism. Behavioral sociology*. R. Burgess, D. Bushell. (eds.). N. Y., 1969.
32. Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. *Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология*. 2001; (2): 117-63; (3): 32-69.
33. Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель. В кн.: *Американская социологическая мысль: тексты*. В.И. Добренков (ред.) М.; 1994: 8-29.
34. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.; 1995.
35. Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта. *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2004; (283): 123-128.
36. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997.
37. Bernard J., Thompson L.F. *Nurses and Their Patients in a Modern Society*. Saint Louis: The C.V. Mosby; 1970.
38. Социологический словарь. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. (ред.) М.: Норма: Инфра-М; 2010.
39. Радаев В.В., Шкаратан О.И. *Социальная стратификация*. Учебное пособие. М.: Наука; 1995.
40. Радаев В.В. *Экономическая социология*. Учебное пособие. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ; 2008.
41. Комаров М.С. *О понятии социального института. Введение в социологию*: Учебник для высших учебных заведений. М.: Наука; 1994.
42. Шмерлина И.А. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов. *Социологический журнал* 2008;(4):53-69.
43. Шмерлина И.А. Социальный институт в перспективе семиотического анализа. *Россия реформирующаяся*: Ежегодник. 2010. Вып. 9. М.: Новый Хронограф; 2010: 76-87.
44. Черныш М.Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах. *Социологические исследования*. 2018; (5): 15-25.
45. Куконков П.И. Трансформация напряжений в социальном пространстве. *Конфликтология*. 2014; (4): 39-53.
46. Плюснин Ю.М. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта. *Мир науки, культуры и образования*. 2014; 3(36): 299-301.
47. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Административно-управленческие структуры в трансформирующемся обществе: статусно-ролевые позиции (Власть... Кому она власть?). *Власть*. 2014;(3): 5-11.
48. Заславская Т.И. *Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция*. М.: Дело; 2003.
49. Коростелева Е.А. *Социальный институт. Социология: Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом; 2003.
50. Линецкий А.И. Латентные институты: стихийная стандартизация поведения и ее политическое значение. *Полис. Политические исследования*. 2014;(6):166-82.

Поступила 18.06.2018

Принята в печать 25.06.2018

REFERENCES

1. Davis L., North D. *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: 1971.
2. Comte O. *Course of positive philosophy*: Vol. 2. Department 2. Moscow: Book on demand; 2012. (in Russian)
3. Spencer G. *Main beginnings*. Sankt-Petersburg: 1897. (in Russian)
4. Spencer G. *Synthetic philosophy: In the reduced Howard Collins's statement*. Kiev: Nika Center; 1997. (in Russian)
5. Spencer G. *A social statics. Lane with English*. Kiev: Gama Print; 2013. (in Russian)
6. Marx K. To criticism of Hegelian legal philosophy. Marx K., Engels F. *Collected works*. Vol. 1. Moscow: Politizdat; 1957. (in Russian)
7. Marx K. To criticism of political economy. Marx K., Engels F. *Collected works*. Vol. 13. Moscow: Politizdat; 1959. (in Russian)
8. Marx K., Engels F. *Collected works*. Vol. 28. Moscow: Politizdat; 1959. (in Russian)
9. Tennis F. Community and societ. *Sociological researches*. 2008;(3-4):333-57. (in Russian)
10. Durkheim E. *Les formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie*. Paris: Presses universitaires de France; 1960.
11. Durkheim E. *About division of social activities* [O razdelenii obshchestvennogo truda]. Moscow: Canon; 1996. (in Russian)
12. Durkheim E. *A sociology method. The Western European sociology of XIX – the beginning of the 20th centuries*. V.I. Dobrenkov (ed.). Moscow: Edition of the International University of Business and Management; 1996. (in Russian)
13. Veblen T. *The Theory of Leisure Class, An Economic Study of Institutions*, 1899.

14. Veblen T. *Theory of an idle class*. Moscow: Progress; 1984. (in Russian)
15. Ward L.F. *The physic factors of civilization*. Boston: Ginn & Company Publishers; 1893.
16. Schwinn T. From comparative sociology of religion to comparative political sociology. Max Weber and plurality of modernist styles. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2018; (1): 121-31. (in Russian)
17. Weber M. *Essays on sociology*. New York: 1964.
18. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, 5. Aufl., Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1982.
19. Sorokin P.A. Person. *Civilization. Society* [Chelovek. Civilizatsiya. Obshestvo]. Moscow: Politizdat; 1992. (in Russian)
20. Moshensky S.Z. *From global imbalances to "A great depression"*. London: Xlibris; 2014. (in Russian)
21. Parsons T. *Essays on sociological theory*. N. Y., 1964.
22. Parsons T. Concept of society: components and their relationship. *THESIS*. 1993; (2): 94-122. (in Russian)
23. Mills Ch.R. *Sociological imagination*. G.S. Batygin (ed.). M.: NOTA BENE publishing House; 2001. (in Russian)
24. Mills Ch.R. *The dominating elite*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1959. (in Russian)
25. Horkheimer M., Adorno T. *Dialectician education. Philosophical fragments* [Dialektika Prosvesheniya. Filosofskie fragmenty]. Moscow: Medium, Yuventa; 1997. (in Russian)
26. Mikhaylov I.A. *Max Horkheimer: Formation of the Frankfurt school of social researches* [Mark Horkheimer. Stanovlenie Frankfurtskoi shkoly sotsialnyh issledovaniy] P.1:1914-39. Moscow: IF RAN; 2008. (in Russian)
27. Kozier L. *Functions of the social conflict* [Funkcii sotsialnogo konflikta]. Moscow: Ideya-Press; 2000. (in Russian)
28. Darendorf R. *Tracks from a utopia. Works on the theory and history of sociology* [Tropy iz utopii. Raboty po teorii sociologii]. M.: Praxis; 2002. (in Russian)
29. Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press; 1959.
30. Simonova O.A. *History of sociology of the 20th century: Chosen subjects* [Istoriya sociologii XX veka]. Moscow: Lagos; 2008. (in Russian)
31. Homans G.S. *The sociological relevance of behaviorism. Behavioral sociology*. R. Burgess, D. Bushell. (eds.) N. Y., 1969.
32. Homans G.S. Social behavior: his elementary forms. *Source: Social and humanities. Series 11. Sociology*. 2001;(2):117-63; 2001;(3): 132-69. (in Russian)
33. Blau P. Various points of view on social structure and their common denominator. In: *The American sociological thought: texts* [Amerikanskaya sociologicheskaya mysl: texty]. V.I. Dobrenkov (ed.). Moscow: 1994; 8-29. (in Russian)
34. Berger P., Lukman T. *Social designing of reality. The treatise on knowledge sociology* [Socialnoe konstruirovaniye relnosti]. Moscow: 1995. (in Russian)
35. Gulbina N.I. Theory of institutional changes of D. Nort. *Messenger the Tomsk State University*. 2004; (283): 123-28. (in Russian)
36. Nort D. *Institutes, institutional changes and functioning of the economy*. B.Z. Milner (ed.). Moscow: Fund of the economic book of "Beginning"; 1997. (in Russian)
37. Bernard J., Thompson L.F. *Nurses and Their Patients in a Modern Society*. Saint Louis: The C.V. Mosby; 1970.
38. Sociological dictionary. [Sociologicheskii slovar]. Osipov G.V., Moskvichev L.N. (general eds.) Moscow: Norm: Infra-M; 2010. (in Russian)
39. Radayev V.V., Shkaratan O.I. *Social stratification*. Manual [Sotsialnaya stratifikatsiya]. M.: Science; 1995. (in Russian)
40. Radayev V.V. *Economic sociology*. Manual. [Ekonomicheskaya sociologiya]. Moscow: GU HSE publishing house; 2008. (in Russian)
41. Komarov M.S. *About a concept of social institute. Introduction in sociology: The textbook for higher educational institutions* [O ponyatii sotsialnogo statusa. Vvedeni sociologiyu]. M.: Nauka; 1994. (in Russian)
42. Shmerlina I.A. Concept "social institute": analysis of research approaches. *Sociologicheskii zhurnal*. 2008; (4): 53-69. (in Russian)
43. Shmerlina I.A. Social institute in the long term the semiotics analysis. *Russia which is reformed: The year-book*. 2010. Release 9. Moscow: Nowyi Chronograph; 2010; 76-87. (in Russian)
44. Chernysh M.F. Modern Marxism in world and Russian contexts. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2018; (5): 15-25. (in Russian)
45. Kukonkov P.I. Transformation of tension in social space. *Conflictologiya*. 2014; (4): 39-53. (in Russian)
46. Plusnin Yu.M. Social tension as a stage in development of the conflict. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya*. 2014; 3(36): 299-301. (in Russian)
47. Golenkova Z.T., Igithkanyan E.D. Administrative and managerial structures in the transformed society: status and role positions (Power ... To whom she thoroughly?). *Vlast*. 2014;(3):5-11. (in Russian)
48. Zaslavsky T.I. *Social transformation of the Russian society: Activity and structural concept* [Sotsialnaya transformatsiya rossiiskogo obshestva: deyatelno-strukturnaya koncepciya]. Moscow: Business; 2003. (in Russian)
49. Korosteleva E.A. *Social institute. Sociology: Encyclopedia* [Sotsialnyi institut. Sociologiya: Enciklopediya]. Minsk: Interpresservice; Book House; 2003. (in Russian)
50. Linetsky A.I. Latent institutes: spontaneous standardization of behavior and its political value. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014; (6): 166-82. (in Russian)